

ФИЛОСОФИЯ

ОБМАНЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЯВНОГО И ТАЙНОГО В СУБЪЕКТНОМ ВОСПРИЯТИИ

©2008 г. Ю.В. Желтов

Волжский государственный инженерно-педагогический университет

romantsov@okbm.nnov.ru

Поступила в редакцию

Обманы и исследования рассмотрены как реализации непосредственно и опосредствованно воспринимаемых областей бытия соответственно. Рассмотрена фундаментальность явно-потаянности бытия. Показано, что исследования являются отрицаниями отрицаний обманов. Статья написана в контексте становления людей с самоуважительным исследовательским складом ума перспективным типом человека разумного.

Ключевые слова: приманки, следы, восприятие, усвоение, внимание, непосредственность, опосредствование, трансценденция, интенция, синтез.

Известно, что явление обманов такое же древнее, как цивилизация; причем в древнекитайских рукописях есть созвучное современности утверждение: «Наше время провозглашает себя цивилизованным. Но чем цивилизованнее общество, тем большее в нем место занимают ложь и обман» [1] (цит. по [2]). В этом же ключе философия рассматривает обманы как стихию человеческого существования [3]. Общецивилизационный характер обманов делает правомерным их гносеонтологическое рассмотрение, которое реализуют пока преимущественно прикладные онтологии обманов [4].

Свойства «приманного» среза бытия

Отсутствие в философских словарях толкований термина *обман* обусловлено, по-видимому, реликтами рационалистического «культа разума», в рамках которого человек разумный не способен ни обмануть, ни обмануться. Это вынуждает исходить при анализе обманов из их лингвистических толкований. Словарь В.И. Даля трактует смысл термина *обман* производным от глагола *манить* (звать знаком пальцев, лестью, посулами). Глагол *манить* поставлен в связь с старым русским понятием «мана», которое определено в гносеологическом плане как *отуманение рассудка*, а его онтологический план иллюстрируют *приманки* и *соблазны*. Обобщенно «мана» определена как *то, что*

приманивает. Ее практику характеризуют пословицы: «тебя манят – твоих денег хотят»; «не верь ему, он манит»[5]. Причем смысловую корреляцию приманок и обманов фиксирует не только русский язык, но и английский (*lure* – приманка, *delusion* – заблуждение), и немецкий (*Locksaas* – приманка, *lügen* – лгать). Эти свойства «маны» и обманов характеризуют их формирующими срезы бытия, который можно назвать «приманным».

Отношения объекта и субъекта в этом срезе бытия отличны от объект-субъектных отношений, где объекты существуют независимо от безразличного к ним субъекта. Напротив, поскольку приманки воспринимаются субъектами, в «приманном» срезе бытия оправдан тезис Дж. Беркли «бытие есть воспринимаемое». Исходя из него, можно дать характеристику *явного* и *потаенного* аспектов бытия. Поскольку явное имеет для субъекта смысл *воспринятого*, явность бытия определима как *восприятость* субъектом. Явное как воспринятое реализует иерархию, параметром которой служит *актуальность*: от потенциальной актуальности непосредственно воспринимаемого до реализованной и, наконец, исчерпанной актуальности явного, которое, забываясь, переходит в потаенное. В свою очередь, потаенность сводится к неопределенности для субъекта, к закрытости от него и к другим ограничениям субъекта в качестве *посредника* восприятий. Поэтому потаенность реализуется как невозможность *непосредственного* субъектного восприятия (ввиду невозможности без усилий определить неопределенное, открыть закрытое, распутать запутанное...). Поскольку восприятие потаенного опосредствовано усилиями восприятия, последние играют роль *мер* [6] бытия закрытого – открытым, неопределенного – определенным и т.п.

Обычно рассматриваемые философией объекты абстрагированы от аспектов явности и потаенности. Напротив, явно существующие приманки способны потаенно управлять поведением субъекта. Они оказываются формами бытия *явно-объектного* – *потаенно-суперсубъектным* [6], т.к. активно вводят, *инъецируют* в субъекта свое явное содержание. Инъекции явного очевидны, когда человек зовет к себе; причем в соблазнах они облегчены, ввиду предрасположенности субъекта к их восприятию. Кроме того, инъекции явного облегчают физические и эстетические средства, которые использует, например, шумная реклама. Одновременно инъекции явного сопряжены с *вытеснением* из сознания субъекта уже воспринятого или способного восприниматься (в ситуациях маскировки).

Синтез в приманках аспектов явного и потаенного сообщает дополнительную оправданность гипотезе М. Хайдеггера: «Непотаенность – это, может быть, более, чем истина *veritas* (знания) слово, которое дает намек на *еще непродуманное существо esse*

(сущности, экстракта, *важнейшего*); причем речь здесь идет не о ренессансе досократической мысли, а о внимании к *еще невысказанному существу непотаенности*» [7] [курсив мой. – Ю.Ж.]. С учетом явно-потаенного характера приманок «еще невысказанное существо непотаенности» сводимо к *существованию непотаенного в синтезе с потаенным*. Об этом синтезе еще в античности был сформулирован ряд афоризмов: «Природа любит таиться». «Все великое происходит путем медленного и незаметного роста». «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным». «По плодам их узнаете их» ... В новое время фундаментальность явно-потаенного подтвердила показанная К. Марксом значимость тайны как всеобщего духа бюрократии [8]. Сейчас важнейшее значение приобрела *информация* – форма бытия неопределенного – определенным [9]. В естествознании фундаментальность явно-потаенного утвердил статистический характер многих природных, в частности, квантовомеханических, явлений, где вероятности служат мерами бытия потаенно возможного – явно обнаруживаемым. В философии онтологическую фундаментальность явно-потаенного утверждало толкование Ж.-П. Сартром бытия как *ускользающего от восприятия* и как *бытия для раскрытия* [10]. В быту любые впервые наблюдаемые и мало нам знакомые люди и вещи оказываются явно-потаенными для нас.

Ошибка обманутых – ограничение существующего непосредственно воспринятым

«Приманный» срез бытия допускает разложение на области в зависимости от способов их восприятия субъектом. В первую очередь, это области воспринимаемого *непосредственно* и *опосредствованно*. Обусловленное инъектированием явного, непосредственное восприятие приманок имеет характер *внимания* (глагол *внимать* означает *жадно поглощать* слухом, *усваивать себе* слышанное или читанное [5]) или же их прямого пропуска субъектом внутрь себя. Жадное усвоение ощущаемого характеризует *непосредственность*, в рамках которой усваиваемые объекты входят в содержание субъектов, не требуя усилий восприятия. Такую непосредственность реализуют «пришедшие на ум» субъекту манящие образы, а также привлекательные свойства приманок. В классической литературе такая непосредственность описана в лермонтовском «Демоне», где Демон объяснился с Тамарой: «Я тот, которому *внимала ты...*», – уже после того, как в ее сознании: «Знакомый *образ* иногда скользил без звука и следа,.. манил и звал он, но куда?..». В подобных же, но не романтических, ситуациях мышшь воспринимает сыр в мышеловке непосредственно по запаху. В обоих случаях: и привлекательный образ, и запах – являются вторыми по отношению к субъектам, что характеризует непосредственность отношений [9].

Гносеонтологическую особенность непосредственно воспринимаемых приманок можно видеть в том, что опосредствующие их создание меры реализуют «суперсубъекты», которые являются непостижимыми и потусторонними, т.е. *трансцендентными*, для приманиваемых субъектов. В этом качестве очевидны как Демон для Тамары, так и создатель мышеловки для мыши. Главные герои непревзойденного романа об обманах «Бесы» Ф.М. Достоевского также старались казаться трансцендентными. Слабость Верховенского-старшего состояла в воображаемом пребывании на потустороннем «пьедестале», а его сын производил впечатление человека «с луны», чтобы, овладевая под этим предлогом вниманием «наших», лишать актуальности для них опасные подробности происходившего. Еще непостижимее казался Ставрогин, который провоцировал своих поклонников «сильными» идеями (в частности, народа-богоносца), с которыми те не могли «справиться», потому что «веровали страстно».

Поскольку вера сводима к непосредственному сознанию [11], общую ошибку обманутых можно видеть в ограничении ими актуально существующего для них – *воспринятым непосредственно* (когда, например, в ситуациях маскировки уделяют внимание явным *маскам*, за которыми не видят потаенного замаскированного). Поскольку обманы сопряжены с восприятиями субъектом *вредного* для себя, усвоение последнего облегчает непосредственность восприятий. Обман становится возможным, поскольку субъекты не сознают *недостаточность ощущений* чего либо для его усвоения. Напротив, обманы затруднены, когда их вероятные жертвы способны на самоуважительный контроль ощущаемого в качестве достойного усвоения, реализуясь в качестве особенных мер-посредников, третьих между собою до акта усвоения и собою же после него.

Известна общая схема обманов[12], где главное место занимает *аттракция* (привлечение внимания) субъектов, которая использует их *доверчивость*, а последняя, будучи, как и вера, формой непосредственного сознания, демобилизует способности субъекта к самоконтролю восприятий. К тому же, для главных сфер обманов: азартных игр, афер и рекламы [12] – характерен расчет субъектов на *удачу*, которая также демобилизует усилия субъектных восприятий.

Особенно трудной для преодоления формой обмана является самообман, в рамках которого субъект «ускользает» от себя в качестве явного. Известно, что «ускользнувший» от себя субъект не воспринимает в общем случае не только детали своего поведения, но даже собственные конечности[10]. Кроме того, его сознанию свойственны *вера, которая хочет быть плохо убежденной*, а также согласие с *недостоверными истинами* и с

неубедительной очевидностью происходящего [10]. Явные очевидности, истины и вера приобретают здесь потаенное, не усваиваемое без усилий восприятия, качество.

Исследовательское продуцирование явного
с использованием ресурсов явно-потаенного

Если в общем случае приманки привлекают внимание субъектов, давая перспективы удовлетворения потребностей, то в частном случае, когда они обещают удовлетворить потребности субъектов в раскрытии потаенного, приманки имеют характер явно-потаенных *следов*, а субъекты – *исследовательское* качество. Поскольку потаенное, по определению, не воспринимается непосредственно, исследовательское качество субъекта требует от него усилий восприятия. Таким образом, формируется *следовая* область «приманного» среза бытия. Ее свойства словарь В.И. Даля раскрывает в логическом, онтологическом и гносеологическом планах. В логическом плане: следствие интерпретировано как *то, за чем неминуемо следует*; следовательно – *из сего явно следует*; следовать из чего – *зависеть от известных условий*. В онтологическом плане след определен как *признак, остаток*. В гносеологическом плане: следить означает *искать или преследовать по приметам*; следовать чему – *поступать, согласно чему*; следование дела – *исследование* [5]. Смысловую корреляцию терминов *след* и *исследование* фиксирует также английский язык (*vestigate* – след, остаток, признак; *investigate* – исследовать) и немецкий (*Fährte* – след, по которому идут; *forschen* – исследовать).

Будучи частным случаем приманок, следы также оказываются явно-потаенными объект-суперсубъектами, будучи третьими между исследователями и субъектами, оставившими следы. При этом явная объектность и потаенная суперсубъектность следов не потусторонни друг другу, а напротив, как можно показать, опосредствованы комплексом *трансценденции-интенции-синтеза* (кратко «*трансинтенции*» [6]) их обеих в мышлении исследователя. Так, в простейшем случае, следы зайца на снегу выходят из себя в качестве явных объектов для следопыта – на себя в потаенно-субъектном качестве, причем оба качества синтезированы в следах. Поскольку следы опосредствуют собой для следопыта бытие явных отпечатков лап – потаенным субъектом-зайцем, идя по следам последнего, следопыт превращает потаенного зайца – в явного для себя, реализуясь в качестве фактического суперсубъекта. Аналогично, при объяснении Демона с Тамарой (она становилась исследовательницей, задавая вопрос: куда?) его образ в ее мышлении выходил из себя в качестве непосредственно «пришедшего на ум» – на суперсубъекта, оставившего след. При этом Тамара имела перспективу своего становления суперсубъектом-«царицей мира».

С учетом выше показанного можно рассмотреть способ систематического продуцирования явного путем исследований явно-потаянных следов потаянного. В широком спектре исследований этот способ отличается поиском во внешних видах людей и вещей – значимых для исследований следов «искомого»[13]. В художественной литературе поиск следов выполняли, например, контрразведчики из основанного на документах романа «Момент истины» В.О. Богомолова. Здесь начальник контрразведки ценил только следы, за которые можно «зацепиться» (т.е. сделать потаянное – явным), а основу метода «заместителя бога по розыску» составляло сохранение полноты *версий потаянного* в процессе поисков. Хотя исследовательские версии потаянного (они претендуют на общий, отвлеченный от конкретности, охват бытия тайного – явным), называют «идеями», они лишь в итоге исследований оказываются идеями в исконном греческом значении – внешних видов знакомых вещей, по которым можно непосредственно судить о внутреннем содержании вещей [9]. Можно заметить, что исследовательские версии потаянного оказываются, по существу, «трансинтвными» мерами бытия потаянного – явным [9]. Они в самом деле являются таковыми, поскольку на траектории своего развития сначала выходят из себя в качестве *надежд* – на себя в качестве *гипотез*, а затем (в «моменты истины») выходят из себя в гипотетическом качестве – на себя в качестве достоверных истин. При этом версии не просто «владеют» исследователями, а разрабатываются ими; к тому же, опытные исследователи усваивают версии опосредствованно возможностью отказа от них [13].

Для главных героев «Бесов» «моменты истины» наступали на пороге смерти, когда Верховенский-старший признался: «Всю жизнь лгал»,– и когда Ставрогин написал предсмертное письмо. В «Моменте истины» такой момент наступил в итоге «экстренного потрошения» агента-парашютиста контрразведчиком, который почувствовал, что агент «не врет, и знал цену полученным от него сведениям. В эти мгновения только он., единственный обладал «моментом истины»». Близкие ощущения испытали знаменитые естествоиспытатели. Н. Тесла так описал «момент истины» при создании идеи асинхронного двигателя: «На песке я палкой нарисовал схемы, показанные шесть лет спустя во время доклада перед Американским институтом инженеров-электриков ... Я бы отдал тысячу тайн природы за одно это открытие...»[14]. О «моменте истины» при выработке идеи аппарата квантовой механики В. Гейзенберг вспоминал: «Я надеялся, что благодаря одной и мне самому непривычной математической структуре для меня открылся доступ к ... странным закономерностям» [15].

Можно заметить, что общность «моментов истины» составляет реализация человеческого *самоуважения* [13] ('уважать' – 'считать себя завелико'[5]). Если в обмане приоритеты обманываемых субъектов определяют управляющие их вниманием «суперсубъекты», то в исследованиях приоритеты исследователей инициативно определяет они сами [13]. Если финалы обманов – акты осознания человеком своей униженности «суперсубъектами», то в «моменты истины» исследовательское самоуважение оказывается состоянием бытия *обычного* человека – суперсубъектно «увеличенным», т.е. в пределе, *великим*, пусть в узко специальных областях. Суперсубъектное величие обуславливают восприятия исследователем исходно непостижимого для него – *явно-потайным*, которое далее становится *явным*, а кроме того, *инициативная* реализация субъектом самого себя в качестве опосредствующей меры такого становления. Инициатива необходима ввиду необеспеченности становления трансцендентного – явным конкретными *программами* реализации, так что их приходится создавать в процессе исследований.

Ввиду замеченного не удивительно, что именно великими чувствовали себя в «моменты истины» не только ставшие знаменитыми исследователи, но и безвестный контрразведчик (читатели «Момента истины» могут вспомнить, что ему хотелось кричать: «Я самый великий!» – после находки в лесу следов «стратегического значения»). Находясь в таких состояниях, люди оказываются уже не рискованно-потенциальными, а *актуальными* посредниками самоуважения. Того самоуважения, наивно-врожденную форму которого осуществил мальчишка в сказке Г.-Х. Андерсена о голом короле, и выстраданную фундаментальными исследованиями форму которого реализовал Г. Галилей своим легендарным: «Все-таки она вертится!».

Можно показать на примерах, что в свои «моменты истины» субъекты находятся в состояниях фактического *отрицания* обманов. В частности, предсмертное признание Верховенского-старшего в «Бесах» было отрицанием его же «юмористического» отношения к «пьедесталу», в которое он иногда впадал, проявляя здравый смысл. Предсмертное письмо Ставрогина также содержало не просто осознание себя в качестве обманщика, но и признание вины. «Экстренное потрошение» агента в «Моменте истины» отрицало расстрел этого обманщика. Признание Н. Теслы содержало отрицание гениальным изобретателем «тривиальных» тайн природы, т.е. фактическое отрицание отрицания позиции тех «жрецов», которые используют знания природных – и социальных – тайн для обманов. Наконец, надежды В. Гейзенберга на *непривычную* математической структуре были не актами нигилизма, который отрицает привычное, а отрицаниями нигилизма, «полного иллюзий и самообмана»[15].

Заключение

Человечество нуждается в развивающемся спектре *ресурсов*: от нравственных до сырьевых, – общим свойством которых служит *потаенность*. Поскольку восприятие потаенных ресурсов возможно в результате исследований их явно-потаенных следов (признаков, остатков и т.п.), обострение проблемы ресурсов повышает общественную значимость деятельности нравственно самоуважительных исследователей. По-видимому, только самоуважительные, а потому пониженно послушные авторитету манящих «суперсубъектов», люди с исследовательским складом ума способны решить проблему обманов. По этой причине их можно оценивать как перспективный тип человека разумного. В своей суперсубъектной роли современные исследователи аналогичны рационалистам по отношению к людям с мифологическим складом ума в эпоху первого осевого времени [16]. Такие оценки дополнительно оправданы тем что именно исследователи явно-потаенного, будучи посредниками становления трансцендентного – явным, имеют максимальные возможности сохранять себя в качестве *субъектов* разработки ресурсов, не вырождаясь в технологические средства рутинных работ.

Список литературы

1. Зенгер Х. фон. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. – М.: Прогресс, 1995.
2. Щербатых Ю.В. Искусство обмана. Популярная энциклопедия. – М.: Эксмо, 2003. С.10
3. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. – Томск, Водолей, 1998. С. 33.
4. Zhao G., Meersman.R. Toward a Topical Ontology of Fraud. Lecture Notes in Computer Science. 4185. – Berlin, Heidelberg. Springer-Verlag, 2006. P. 566-572.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1989. Т. 1. С.216,250. Т.2. С.297. Т.4. С.227-228.
6. Желтов Ю.В. Инобытие и понимание. Философия интеллигентности. – Н. Новгород: изд. ВГИПУ, 2006. С. 99-104.
7. Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. С. 29.
8. Маркс К. Сочинения. 2-е изд. Т.1. – М.: ГИПЛ, 1955. С.272.
9. Желтов Ю.В. Идеи и меры: проблемы авторитета онтологических оснований объективного мышления . Вестник Нижегородского университета. Серия Социальные науки, 2007, №3 (8). С. 186-192.
10. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. – М.: Республика, 2000. С. 23-25, 82.
11. Гегель Г. Наука логики. – М.: Мысль, 1996. С. 533, 651.

- 12 Шейнов В.П. Психология обмана и мошенничества. – Минск: Харвест, 2004. С. 5-6, 8, 24, 31, 51.
13. Желтов Ю.В. Работы из идейного интереса // Воспоминания ветеранов ОКБМ. – Н. Новгород, изд-во ОКБМ, 2008. Т.4. С.96-106.
14. Сейфер М. Никола Тесла. Повелитель вселенной. – М.: Эксмо; Яуза, 2007. С. 42.
15. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. – М.: Прогресс, 1987. С.30-32, 52, 144.
16. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994. С.107-114.